

Юноша, наливав чай другим студентам, повернул голову и посмотрел на него с лёгким недоумением. Его чёрные волосы, собранные деревянной шпилькой, несколькими прядями спадали на плечи, что неожиданно придавало ему утончённый, почти пленительный вид.

Е Цзысинь сглотнул, опустил ресницы и достал из-за пазухи нефритовую подвеску:

— Учитель, по дороге я увидел эту подвеску и подумал, что она вам подойдёт. Хочу подарить её вам.

В те времена ученики нередко дарили подарки своим наставникам. Положение учителя было столь высоко, что его почитали куда больше обычных людей.

В первый день учёбы каждый ученик приносил из дома дар в знак почтения к наставнику. Если учитель отказывался принять подношение, ученик начинал тревожиться, полагая, что чем-то прогневал его.

— Подвеска прекрасна, но мне она не пригодится, — мягко улыбнулся Сюй Фусы. — Цзысинь, лучше оставь её для кого-нибудь другого.

Е Цзысинь вдруг опустился на колени:

— Учитель, умоляю вас, примите её. Иначе я не встану.

Взгляды студентов обратились на них. Сюй Фусы приподнял бровь — он заметил, что после столичных экзаменов Е Цзысинь стал проявлять некую настойчивость.

Он усмехнулся, протянул руку и взял подвеску:

— Ладно, принимаю. Сочту подарком в знак благодарности учителю.

— Но зачем из-за пустякового подношения на колени становиться? Со стороны подумают, будто я тебя мучаю.

Е Цзысинь поднялся, вновь обретя свой обычный, смиренный и молчаливый вид:

— Главное, что учитель принял дар.

После окончания экзаменов предстояло дожидаться объявления результатов. Все студенты оставались в столице, надеясь увидеть свои имена в списках.

Экзаменационные работы были зашифрованы и доставлены в императорский дворец, где их переписали, отобрали лучшие и представили на суд того, кто восседал на высоком троне.

Се Лин в короне с двенадцатью подвесками-люлями перелистывал представленные работы. Сановники, участвовавшие в проведении экзаменов, стояли у подножия трона, трепеща от страха.

Взгляд юного императора, отмеченный яркой, почти вызывающей красотой, скользил по очередному свитку, белые пальцы небрежно касались края бумаги.

Спустя полчаса все представленные работы были просмотрены.

Он отобрал шесть свитков, сделал на них пометки кистью и передал главному управителю Фудэ, стоявшему рядом:

— Первую тройку выбрать из этих. Остальных определить во вторую десятку.

Фудэ склонился в почтительном поклоне, принял отобранные работы и передал их сановникам для ознакомления.

Минуло время, равное горению трёх благовонных палочек. Се Лин поднял голову:

— Господа, определились?

Сановники переглянулись. Первым выступил заместитель министра церемоний:

— Ваше Величество, смилостивейший государь, полагаю, первое место должно достаться работе под номером два, второе — номеру четыре, третье — номеру один. Работы под номерами три, пять и шесть можно определить во вторую десятку.

Остальные заместители министров, тщательно взвесив слова, также высказали свои предложения по порядку.

Среди них почти никто не сомневался в работе номер один.

Его ответы были превосходны, в них почти не было изъянов. Будь то поэзия, проза или рассуждения на классические темы и государственное управление — всё было выполнено безукоризненно. Даже на четвёртом экзамене, где вопросы задавал лично император, он ответил исключительно хорошо.

Можно было представить, каких высот достигнет такой человек, вступив на службу.

Одарённый и в теории, и в практических вопросах, такой талант встречается редко.

Прочие работы имели те или иные недостатки.

Наконец, несколько министров просмотрели отобранные свитки ещё раз, со всей тщательностью утвердили список и передали его Фудэ. Тот с почтительностью поднёс его Се Линю.

Юный, невероятно прекрасный император бегло окинул список взглядом и кивнул, лицо его оставалось бесстрастным:

— Пусть будет так, как решили.

Свиток, отмеченный единицей, он вынул, сорвал печать, и имя, написанное на нём, предстало перед глазами.

Е Цзысинь.

Взгляд его надолго задержался на этом имени. Наконец он отвел глаза, поднялся и направился в свои покои, бросив на ходу лёгкую, как пух, фразу:

— Завтра в назначенный час вызовите попавших в список для дворцового экзамена.

Едва Се Лин удалился, сановники облегчённо вздохнули. Министр церемоний Син Цинфэй подошёл, сорвал печати с оставшихся работ и зачитал имена согласно порядку мест.

— В первую тройку входят Е Цзысинь, Му Цзыфэй, Ли Сяо.

Син Цинфэй невольно выразил удивление:

— Помимо Му Цзыфэя, о двух других я прежде не слышал. — Вот уж действительно странно.

Когда имя Е Цзысиня слетело с уст Син Цинфэя, заместитель министра чинов Е Чаотянь, вначале слушавший рассеянно, вдруг встрепенулся всем телом.

— Е Цзысинь?

Син Цинфэй взглянул на него и, вспомнив о его фамилии, спросил с неопределённой интонацией:

— Из вашего рода?

Списки были обнародованы быстро. Не прошло и часа после ухода Се Линя, как позолоченные таблички с именами, завершив оформление, были вывешены особыми чиновниками у дворцовых ворот.

Едва чиновники удалились, собравшаяся толпа тут же хлынула к месту:

— Первая тройка! Скорее, посмотрим, кто в первой тройке!

— Вижу своё имя! Я в списке! Я есть!

— Е Цзысинь, Му Цзыфэй, Ли Сяо... Помимо Му Цзыфэя, о других ни слуху ни духу!

— Е Цзысинь... — пробормотал один из кандидатов в толпе, и вдруг ему вспомнилось. — Так ведь! В день экзамена какой-то candidate хлопал меня по плечу и упоминал это имя. Неужели правда?..

И ведь действительно попал в первую тройку. А я тогда потешался над его глупостью и наивностью.

Поодаль Е Вэнь, отправив слугу проверить список, стоял с приятелями на относительно свободном месте и беседовал.

— Нынешние экзамены хоть и трудны, но с твоими способностями, А Вэнь, ты непременно в списке, — расточали ему комплименты друзья.

Е Вэнь скромно улыбнулся:

— Слуга ещё не вернулся, брат Гу, не льстите.

Хотя на словах он и выказывал скромность, в душе Е Вэнь твёрдо знал, что его имя будет в списке. И действительно, вернувшийся слуга доложил о его месте.

Пятьдесят шестое, вторая десятка.

Услышав это, Е Вэнь с удовлетворением позволил улыбке проступить на лице.

Вторая десятка. Стоит лишь приложить усилия на дворцовом экзамене, да при помощи семейных связей, — и можно будет остаться в столице, получить должность при дворе.

Тогда род Е будет его лелеять, Хэ Ваньвань раскается, что его бросила, директор Хэ... тоже

пожалееет и потянется к нему... Размышляя так, он находил поздравления окружающих всё более приятными слуху.

Однако слуга, огласивший его место, выглядел нерешительным, выражение лица было не то чтобы радостным, а скорее потрясённым.

Увидев это, Е Вэнь — будь это в прежние времена, он бы непременно рассвирепел — сейчас же, от избытка счастья, не стал придавать виду. С улыбкой он разрешил:

— Хочешь что-то сказать — говори, не мямли.

Он попал во вторую десятку — событие столь радостное, а тот строит такие рожи. Ладно, может, просто хочет побольше серебра на чай. Что ж, можно и пожаловать.

Услышав это, слуга опустил голову, на мгновение заколебался, наконец закрыл глаза и пролепетал:

— Господин... я... я поглядел имена в первой тройке... Господин Цзысинь... занял первое место.

Поздравительные речи в тот же миг смолкли. Воцарилась гробовая тишина, лишь отдалённый гул толпы доносился издалека.

Слуга не смел поднять головы и взглянуть в этот момент на лицо Е Вэня. Он поспешно рухнул на колени, затаив дыхание:

— Я перепроверял несколько раз... Первым в первой тройке значится именно господин Цзысинь.

Раздался глухой удар — слугу пинком отшвырнуло в сторону. Лицо Е Вэня исказилось, и след былой радости на нём не остался:

— Не может быть... Не может быть...

Он уставился туда, где висели списки: «Е Цзысинь не мог попасть в первую тройку! Не может!»

До этого он ещё держался, не желая, подобно прочему сброду, толкаться у стенда. Теперь же, позабыв о приличиях, он бросился к месту вывески, расталкивая людей, не внемля ругательствам, пока не втиснулся вперёд и не взглянул вверх. И увидел имя Е Цзысиня.

Один раз — Е Цзысинь. Два — Е Цзысинь. Три — всё тот же Е Цзысинь.

— Нет! Этого не может быть! — взревел он, протягивая руку, чтобы сорвать список. — Е Цзысинь не мог попасть в первую тройку! Наверняка жульничал!!! Он сжульничал! Сжульничал!

В толпе кое-кто, услышав его слова, и впрямь засомневался:

— Неужели и вправду жульничал?

— Возможно. Раньше о нём и слуху не было, а тут раз — и первое место...

Шёпот пополз по толпе, подпитывая тёмные мысли Е Вэня. Однако нашёлся тот, кто пресёк его действия.

— С ума сошёл, императорский список рвать?! Ты сказал «жульничал» — и всё, истина? К тому же завтра дворцовый экзамен — там сразу видно будет, жульничал или нет! — Человек, удержавший Е Вэня, отшвырнул его прочь. — А ну проваливай, не мешай людям списки смотреть, ей-богу!

<http://bllate.org/book/15951/1426280>